

Нужна ли России хорошая школа?

Недавно в радиобеседе с участием школьных учителей **Евгений Федорович Сабуров**, директор Института проблем инвестирования и научный руководитель Федерального института развития образования, бросил реплику: «Почему-то в первую очередь всех интересует, движемся ли мы к платному образованию, и никто не спрашивает, к какой школе — сравнивая ее с той, что имеем сегодня, — мы идем: к лучшей или к худшей?» Но ведь что такое хорошо, а что такое плохо, все понимают по-разному. Поэтому нашу беседу с Евгением Федоровичем мы начали с вопроса, какую школу в нынешнем мире он посчитал бы хорошей?

— Нет ничего труднее, чем сказать, какая нам нужна школа. Во-первых, не очень понятно, кому нам?

— Родителям и обществу в целом.

— А их интересы совпадают не всегда, да и родители ведут себя по-разному в зависимости от того, учится их ребенок в школе или ее уже закончил. А когда в семье рождаются внуки, бабушки с бабушками могут оценивать качество школьного образования иначе, чем молодые родители. При этом они далеко не всегда понимают даже своих внуков, а уж о том, что могут спрогнозировать развитие страны на двадцать лет вперед, и говорить не приходится.

Впрочем, государственные органы прогнозируют развитие страны и потребности рынка труда, пожалуй, еще хуже. В Советском Союзе все было очень просто. Во всех экономических районах страны создали сеть полужоноэкономических, полубюджетных центров, которые собирали мнения разных руководителей о потребности в специалистах на полвека лет вперед: народному хозяйству потребуется столько-то физиков-ядерщиков, марксистов-ленинцев и слесарей. На этой основе составляли комплексную программу научно-технического прогресса, из нее извлекали период в 20 лет, затем по первым 10 годам формулировали основные направления, сводя все к пятилетке, а уж ее цифры утверждались в соответствующем законе.

Составлялся и демографический прогноз: сколько ребятшек обоего пола в те же годы у нас ожидается. Исходя из такого «баланса молодежи» определяли цифры приема в техникумы и вузы, и высчитали, сколько подростков после восьмого класса из школы отчислить, чтобы было кому гайки крутить. Конечно, эти цифры не соблюдались, да и невозможно было их соблюсти: человек такое существо, что, сколько его не планируй, он хочет жить по-своему. Так что одни делали вид, что управляют, а другие — что они управляемы, но поступали по-своему.

Не дай нам бог к этому вернуться. Хотя я уже слышу голоса, вновь требующие определять потребность в специалистах и в соответствии с ней строить систему образования. К этому призывают неуспешные люди, прежде всего руководители пред-

— Пятьдесят процентов?

приятный, близких к банкротству: платить нечем, специалистов не хватает, вот государство и должно заставить людей работать за копеечную зарплату, благодаря чему предприятие будет выживать!

Добиться подобного принуждения в нынешней ситуации практически уже невозможно. Предлагаемые специальности могут не совпадать с желаниями людей, поэтому они будут пытаться их обойти, что сегодня и происходит. Приведу хотя бы один факт. Знаете ли вы, сколько выпускников педвузов через три года после завершения образования продолжают работать в школе?

— Семь. Пусть даже не во всех регионах страны — условия в них очень разные, но что же это за педагогическое образование и кому оно нужно? А оказывается, что даже оно привлекательно, хотя профессиональным его уже не назовешь. Его можно обозначить очень странным термином — высшее общее. И хотя мы по привычке думаем, что общее образование дает средняя школа, за последние годы у нас появилось именно высшее общее образование: многие люди пошли в вузы не за специальностью, а потому, что в стране восстановилась структура зарплат в соответствии с образованием.

— То есть?

— Советский Союз был единственной страной в мире с отрицательным человеческим капиталом: человек с высшим образованием получал меньше, чем не имеющий такового. И это был прямой путь к загниванию страны, что и произошло. Но за последние годы ситуация изменилась кардинально: цена образования очень возросла, поскольку оно стало влиять на доходы — обладатель хорошего образования стал зарабатывать значительно больше, чем плохого. Среди факторов, влияющих на доходы людей, оно вышло на второе место.

— А на первом?

— На первом у нас всегда была привязка к месту проживания. Чтобы повысить мобильность людей, чтобы они стремились туда, где могут лучше себя реализовать, надо решить хотя бы жилищный вопрос.

Как только образование стало влиять на доходы, стремление к высшему образованию колоссально возросло. Мы это знаем хотя бы потому, что в стране не уменьшилось количество бюджетных мест в вузах, даже чуть-чуть увеличилось, и при этом повсеместно распространилось платное образование. В чем причина? Образование стало привлекательным даже для людей, которые раньше в вузы не шли или не могли в них поступить, в ответ открылось много новых учебных заведений, обучающихся людей на платной основе. Тяга к высшему образованию породила рынок образовательных услуг, не совпадающий с потребностями рынка труда. Родители хотят, чтобы ребенок получил интересующую его специальность, хотя она не так уж и востребована.

В связи с этим выскажу, для кого-то, быть может, неожиданную мысль: очень скоро не рынок образовательных услуг будет откликаться на рынок труда — его в соответствии со своими желаниями выстроит новое поколение. Уже сегодня его влияние колоссально: оно формирует будущее производство — чем мы будем заниматься, а чем заниматься не захотим.

— Это как же?

— Люди выбирают профессии и виды деятельности, возникает спрос на те или иные товары...

— Но если все пойдут в юристы, экономисты и менеджеры?

— А вот их как не хватало, так не хватает и до сих пор, потому что, скажем, подготовка якобы юристов потребности в хороших юристах не уменьшает. У нас очень большой дефицит просто грамотных и умелых специалистов, тех же экономистов и менеджеров.

Что до общего образования, то сейчас это, на мой взгляд, важнейшая тема. Не по всем, но по подавляющему большинству профессий известно: человек умный и способный учиться может освоить то, что ему предстоит делать на рабочем месте, месяца за три, причем это может быть вполне квалифицированная работа. А так как, начиная с XIX века, мир развивается и меняется значительно быстрее, чем в предыдущие века, то и учиться дольше, чем три месяца, не имеет смысла: через полгода опять все поменяется, а через три года — наверняка.

Потому и возникла идея образования в течение всей жизни. Речь идет не обязательно об удовлетворении профессионального интереса. Это может быть просто расширение кругозора — тогда это просто благо, которое человек хочет приобрести, и нередко оно приносит ему радость большую, чем приобретение какой-то давно желанной вещи. Или расширение свободы; так, изучение иностранного языка позволяет человеку ездить по миру и понимать, что вокруг тебя происходит. Причем это не непрерывное образование, а дискретное, но обновляющееся через некоторое время.

Общее образование создает основу для получения профессиональных навыков путем такого дискретного, подстраивающегося к потребностям жизни высшего образования. Когда человек приходит с дипломом престижного вуза к работодателю, тот, помимо всего прочего, обращает внимание и на диплом. Он знает, что научит претендента тому, что от того требуется, месяца за три, на сложных работах — за полгода. А диплом, тем более престижного вуза, показывает, что человек амбициозен и готов преодолевать трудности. Так что его можно брать на работу.

Самым важным звеном образования является, конечно же, школа. Что же она представляет собой сегодня, какое базовое образование дает и чему надо в ней учить, если дать профессиональные навыки не ее задача? Чем должна быть она в современном мире, если информация в силу своей доступности резко потеряла в цене? Произошло это, в первую очередь, благодаря Интернету, которым дети владеют значительно лучше взрослых. Я, например, не могу в этом соревноваться даже с младшей внучкой.

— Сколько ей лет?

— Девять, она третьеклассница. Старшая внучка, которая уже в пятом классе, еще круче...

Итак, посмотрим на школу, только не как на нечто целое, а как на три разных института. Есть начальная школа, дети в ней стимулированы: они хотят стать взрослыми и уметь делать то, что те умеют. Они с большим рвением учатся читать и писать, хорошо запоминают, а родители для них еще авторитетны. Хотя то, как давят на них родители, тоже дает свои результаты...

Есть старшая школа — 10–11-й классы. Старшеклассников уже больше интересует, что с ними будет после получения аттестата. Подавляющее большинство их стремятся к дальнейшему образованию, остальные интересуются рабочими места-

ми и как-то начинают строить свою жизнь. По причине скорого окончания старшей школы подготовка к переходу в новое качество занимает юного человека даже в большей степени, чем стоит: а надо бы еще о любви и о других приятных вещах подумать... Жизнь как бы откладывается на потом, и человек начинает грызть...

— ... гранит науки?

— ... либо репетитора. Но вот что происходит в период между начальной и старшей школой? А это ведь и есть так называемая основная школа. Это возраст переходный, у подростков эти годы сопряжены со всякого рода ломками. И совершенно непонятно, чего от них хотят в школе, тем более что у них самих целей нет: одни отпали, а другие еще не появились. Одно ясно: им в жизни правило буравчика и знание о ланцетнике не пригодятся никогда, а если и пригодятся, то одному из тысячи. Поэтому учитель только отвлекает детей от их дел и, страшно на них обижаясь за то, что они не слушают про ланцетника, начинала на них кричать. По этому поводу социолог Алексей Левинсон сказал: когда педагоги на них кричат и обзывают дураками, то работают на социализацию, так как дети учатся жить такой жизнью, какая она есть. Но знаний никаких в основной школе не приобретают, и такая ситуация крайне тревожна.

Знания эти, повторюсь, часто действительно не нужны. Я помню, как на обсуждении содержания

школьного образования известный академик-географ заявил, что каждый взрослый человек должен знать 21 географическое понятие, а мы знаем только 7. Никто из присутствующих не понял, что это за понятия, в любом случае даже семь мало кто знает, но вот живут.

Сегодня большой смысл и большую цену приобрела не информация сама по себе, а умение ее найти. Наша память — не безразмерный склад, и хранить в ней все накопленные человеком знания бессмысленно. Иное дело — умение ориентироваться в них и находить нужные. Говорят, что Эдисон ничего не знал, кроме справочников, в которых находил все, что ему требовалось. Тем более это нормально при наличии Интернета.

Но что же делать с подростками с 5-го по 9-й класс? Тем более, если прислушаться к тем педагогам, которые понимают, что в принципе весь

школьный курс можно уложить в пять лет.

— Даже в массовой школе?

— Именно в ней, в отличие от школы продвинутой, где дети предельно мотивированы и потому получают образование принципиально иного качества. Скажем, в Испании подростки учат до 15 лет, а дальше они занимаются либо профессиональной подготовкой, либо идут на двухгодичные курсы по подготовке в вуз. Это профильный аналог нашей старшей школы.

Ян Амос из Комени придумал гениальную конструкцию — предметно-урочную систему. Это перевернуло мир, но с тех пор, как появилась массовая школа, прошли века, мир изменился кардинально, и если бы великий реформатор увидел нашу школу, то придумал бы что-нибудь иное. Потому что сегодня предметно-урочная система вообще — а в массовой основной школе тем более — не работает. И не имеет никаких перспектив. Проблема сегодня не в содержании образования (математик Владимир Успенский как-то

спросил меня: «За что я помню всю жизнь, что крокодиль несет яйца?»), а в педагогических технологиях. Учитель у доски, что-то 45 минут рассказывающий мальчикам-девочкам, которые начали интересоваться друг другом, — это из прошлого. Хотя есть масса вещей, которые действительно интересны и полезны, их и надо передавать детям в период после начальной и перед старшей школой.

— Например?

— Умение работать в команде. Тоталитаризм предполагает некий эрзац этого: коллективизм — это когда вождь говорит всем остальным, что надо делать. К подлинно командным действиям это никакого отношения не имеет, они — это когда все участники совместной деятельности на общую пользу, соблюдая каждый свой маневр, соорганизуются на основе добровольного согласия. За последние годы мы сделали шаг в сторону индивидуальной жизни, ничего коллективного уже не осталось, но при этом перестали доверять друг другу. Уровень доверия в нашей стране один из самых низких в мире, и пока наша экономика никак не может избавиться от этой проблемы.

— Экономика?

— Да, потому что доверие — едва ли не главная экономическая проблема. Без него с нами никто не станет заключать сделки. Почему процветает американская экономика? У нее самый высокий уровень доверия. Как они этого добились — судебной системой, протестантскими традициями или еще чем-то — другой вопрос, но без этого нельзя поднять страну.

Для формирования доверия и для наращивания так называемого социального капитала (не просто доверия, а понимания друг друга) требуются новые педагогические технологии. Как это сформулировал психолог Александр Асмолов: «Дайте другому быть другим!» Почему у нас такая ксенофобия? Это ведь не проблема «кавказцев» или таджиков — это наша проблема! Вот в Германии после второй мировой войны проанализировали ситуацию, возникшую в стране на волне антисеми-

тизма, и пришли к выводу, что проблема была в самих немцах: свои психологические проблемы они переносили на евреев.

Наша ксенофобия связана с неуверенностью в себе, с непониманием и недоверием к другим людям, стремлением к тому, чтобы все были похожи друг на друга. И это — проблема школы, решение которой еще важнее для экономики, чем подготовка к профессиональной жизни.

— Чему еще надо учить в основной школе?

— По мнению родителей и по тому, за какие образовательные услуги они готовы платить, на первое место выходят гуманитарные дисциплины и математика. Но приходится противодействовать давлению тех, кто по-прежнему стремится увеличить объем естественнонаучных знаний за счет вытеснения гуманитарных. Боюсь, о детях они совсем не думают, их не заботит, как сказывается на физическом и психическом здоровье учеников та масса информации, которую должен в их

голове вдалбливать учитель. К счастью, наши дети научились все это игнорировать, и это вселяет в меня оптимизм.

— Учитывая то, о чем вы говорили, как обстоит дело с разработкой новых стандартов, которые, по выражению Анатолия Георгиевича Каспржика (в журнале только что напечатана беседа с ним), суть общественный договор?

— Здесь задача номер один — разработка стандартов на основе представлений о компетентности и с учетом контрольно-измерительных инструментов, позволяющих ее оценивать. Но стандарты — это то, что должно быть записано в договоре, а сам он — это взаимные обязательства педагогического коллектива — добиться определенных результатов, а заказчиков — эту деятельность оплачивать. Какие при этом будут использоваться технологии, решают педагоги, а заказчик может контролировать, созданы ли условия занятий, соблюдаются ли гигиенические нормы и т.п.

Такой договор определяет не зарплату учителя, а уровень финансирования обучения каждого ученика именно этим педагогическим коллективом. Тогда педагог вправе сказать: не лезьте в мою смету, мои технологии столько стоят. Вот мне надо вывезти детей за город, чтобы не растягивать на год изучение астрономии по часу в неделю, а две недели вместе с ними всматриваться в небо: это они запомнят на всю жизнь. Или провести недельную игру, за время которой ученики научатся понимать даже самый сложный текст современного писателя. И это — реальные, уже применяемые технологии.

Никакого сметного финансирования — бюджет выстраивается по конечному результату. Но это возможно только при наличии стандартов. Тогда же возникает конкуренция между школами: каждая будет стараться доказать, что действительно что-то умеет. Я очень большую ставку делаю на то, что при такой системе начнется процесс поглощения одних школ другими, теми, в которых разработаны и применяются эффективные педагогические технологии. Кстати, я мог бы назвать директоров, которые уже начали «захватывать» соседние школы, обу-

чая работающих там учителей своим методом. Между прочим, как только в обычную массовую школу приходит такой директор, через два-три года и она становится так называемой элитной...

— Но возможно ли такое не в столице или областном центре, а в поселке, где всего две-три школы и между ними нет конкуренции?

— Иного выхода я не вижу даже в сельской местности, где должна быть сетевая структура: школа-«матка» и школы-«дочки». При наших расстояниях только это и возможно. Маленькие дети должны жить с родителями, поэтому младшую школу надо расширить до 6-го класса, как во всех развитых странах с большими расстояниями между населенными пунктами. Ежедневно возить малышей в далеко расположенную «матку» трудно, а при нынешнем уровне культуры дорожного движения зачастую и опасно. Тем более нельзя детей селить в интернатах; это допустимо только для старшеклассников, да и то ограничено, если ничего другого придумать нельзя.

— Так кто же будет разрабатывать, а затем принимать новые образовательные стандарты?

— Этим в прошлые годы занимались, не привлекая учителей, методисты и теоретики Академии образования и «большой» Академии. Но если в стандарт вписано то, что делать учителя массовой школы не смогут, то... ситуация понятна. Однако и учителям поручить составлять стандарты опасно: они впишут в них только то, что сегодня могут делать сами. Во всех наших бедах мы чаще всего виним чинов-

ников разных ведомств. Когда же нам предлагают взять ответственность на себя, мы с легкостью отказываемся, говоря, что этим должны заниматься специалисты. А потому корень всех наших проблем я вижу в неразвитости гражданского общества. Причины этого исторически понятны, но от этого не легче.

Приведу пример очень, на мой взгляд, показательный. Образовательные программы американских университетов разрабатывает не государство, они не выдают дипломы единого государственного образца, им всем присуща абсолютная финансовая прозрачность и все в стране знают, какое качество образования можно получить в каждом из них. При этом рейтинги имеют не только университеты, но каждый факультет и каждая специальность — это все разные рейтинги! Кто же всем этим занимается? Ассоциации выпускников! Кто

эти выпускники сегодня? Работодатели, которые несколько лет назад закончили эти университеты! А представляете, каков уровень и возможности, скажем, ассоциация выпускников Гарварда? Да там люди, входящие в руководство страны, возглавляющие отдельные штаты.

Спросите ректоров наших вузов, действуют ли у них такие ассоциации? Большинство ответит: да! Но что они решают? В лучшем случае — как помочь с учебным оборудованием. Не только возможности и претензии, но уровень гражданского самосознания, понимания своей общественной задачи — несопоставим с американским.

Так или иначе, но министерство образования и науки, где трудятся компетентные специалисты, понимает проблемы, о которых я говорил, и хочет их решать. На это нацелена Федеральная целевая программа развития образования, которая со следующего года станет руководством к действию. Но если общество будет оставаться инертным, если оно только со стороны будет следить за тем, что делается в образовании, если оно не поддержит предлагаемые меры, более того, если любой шаг в этом направлении будет встречать неприятие и obstruction, то все произойдет в соответствии с гениальной формулой Черномырдина!.. При этом Виктор Степанович, человек с юмором, подразумевал не только себя и не только свое правительство — всех нас.

Когда-то знания человек получал почти исключительно в школе. Сейчас все изменилось. Мы имеем спектр образовательных услуг, роль семьи в их наращивании огромна. Понимание ценности образования определяется не доходами семьи, а уровнем образования родителей, и есть семьи, в которых это понимание передается из поколения в поколение.

— Сколько вложим в образование своих детей, столько они и зарабатывать будут?

— Ну, это слишком оптимистично. Необходимы организационные способности и педагогические знания, чтобы знать, что, куда и как вкладывать. Проблема ведь в рациональном финансировании, а не в его размерах. Дайте деньги учителям — они освоят любые бюджеты...

— Но все же, за счет чего Германия, оказавшаяся в 2000 году по результатам программы PISA ничем не лучше нас (заняв 15-е место в числе 15 европейских стран), всего за три года поднялась в середину списка?

— А за счет чего первое место по результатам той программы стабильно занимает Финляндия? Главная причина — там всё, что происходит в школе, контролируют родительские советы, и права родителей просто несопоставимы с теми, которыми располагают наши папы и мамы. Но этого мало. Вот у них тоже есть единый государственный экзамен. Мы спросили директора финской школы, как удастся сохранить секретность экзаменационных заданий. Он ответил: как только я их получил, кладу в сейф, утром в день экзамена достаю. Мы уточнили вопрос: не пытаются ли родители, располагающие такими большими правами и огромным влиянием, выведать задание накануне? Директор сначала не понял, о чем мы его спрашиваем, затем ответил: ну что вы, они же знают, что это запрещено!.. И тут мы поняли, что живем в разных мирах: у нас последние результаты ЕГЭ наводят на странные мысли...

— Успехи резко выросли?

— Именно так, но как раз в некоторых регионах, которые трудно назвать самыми успешными...

Беседу записала Марина Салазкина
Фото Владимира Воронова